

Светлана Алешина

Африканские страсти

Часть сборника
Африканские страсти (сборник)

Новая русская

Светлана Алешина

Африканские страсти

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Африканские страсти / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Новая русская)

Лариса Котова, владелица ресторана «Чайка», имеет странное хобби. Она любит расследовать разные детективные истории, зачастую помогая милиции в их нелегком деле. Вот и сейчас ее заинтересовало убийство негра, тело которого было найдено в городском парке. Ранее она видела его с известной актрисой Горецкой у себя в ресторане. Причем та явно не желала, чтобы ее опознали, нацепив светлый парик и темные очки. Что может связывать известную актрису с убитым студентом из Конго? Это и решила выяснить не в меру любопытная «новая русская»...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Алешина

Африканские страсти

Пролог

Москва, 1970

Антон шагнул по Арбату, и его охватывала волна нежности и доброты ко всему живому. Он был молод, честолюбив и, черт побери, достаточно красив, чтобы радоваться жизни. Вокруг него суетливо сновали люди. У некоторых из них были довольно хмурые лица. Они были озабочены своими проблемами. Но Антону почему-то хотелось подойти к кому-нибудь и поднять хоть как-то человеку настроение. Однако он понимал, что это всего лишь ситуативное чувство, и выглядеть он будет неадекватно. Поэтому своего намерения он так и не осуществил.

Вместо этого он зашел в гастроном и, потолкавшись в очереди, купил бутылку портвейна. Что ж, теперь можно и в метро. Сегодня будет самый счастливый день в его жизни. Он так решил, а значит, все получится.

Юля жила на Фрунзенской набережной в одном из так называемых «элитных» домов. Ее папа был каким-то большим начальником в военном гарнизоне города Москвы, и ее квартире все завидовали. Антон тоже был из тех, кого обурежала зависть. Но он был уверен, что со временем у него тоже будет что-то подобное. Хотя сейчас, кроме комнаты в общежитии на пять человек, он абсолютно ничего не имел. Однако честолюбие и энергия молодости, присутствовавшие у Антона в достаточной мере, позволяли ему надеяться на лучшее будущее.

Он шел на вечеринку, которую Юля организовала у себя дома. Она была посвящена двум событиям одновременно: во-первых, отбытию Юлькиных родителей на Черноморское побережье Кавказа, а во-вторых, Международному женскому дню. Но для Антона эта вечеринка имела еще одну, самую главную для него особенность.

Там должна была быть Настя. Конечно, они много понаделали глупостей, но все же любят друг друга. Это же очевидно. Антон твердо решил сделать ей предложение. Она не сможет от него отказаться.

Он вздохнул полной грудью еще морозный, но уже пахнущий весной воздух и прижал к лицу букет мимозы, купленный заблаговременно. Пахнет весной... Нет, Антона не покидало сегодня ощущение эйфории. У него все должно получиться!

Он прошел от станции метров двести, вошел в подъезд «сталинки» и поднялся на седьмой этаж.

– Ой, Антошечка, проходи, – выскочила на порог разнаряженная Юля. – Как хорошо, что ты пришел! Уже все собрались.

– Это тебе, с праздником! – и Антон чмокнул хозяйку дома в щеку.

– Спасибо, – Юля взяла букет и буквально окунула в него свое лицо, – весной пахнет.

Антон прошел в гостиную. Посередине стоял огромный стол. За ним сидела разнополая компания – человек двадцать.

Поставив бутылку портвейна на стол и поздоровавшись со всеми, он отыскал глазами Настю. Праздник уже начался, и к нему тут же подошел старый знакомый Володя Суровцев, который учился в Литературном институте и сочинял стихи. Само по себе это никому неудобств не причиняло. Страшно было другое – графоманский бред, который позволял себе Суровцев, он спешил донести до масс. Он декламировал стихи, независимо от ситуации и компании, в которой он находился. Говорили даже, что он мог внезапно начать говорить рифмо-

ванные фразы во время занятий любовью. Впрочем, эти злые языки принадлежали женщинам, которых он бросил.

Антон сразу же понял, что сейчас произойдет, и попытался увернуться, но было поздно – Володя надвигался на него как танк.

– Послушай, старик, – восторженно воскликнул он.

И начал:

Клялась ты – до гроба
Быть милой моей. Опомнившись,
Оба мы стали умней.
Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.

– Ну как, нравится? – заглядывая в глаза Антону, спросил Суровцев.

– Да, ничего, – машинально ответил тот, отыскивая глазами Настю.

Черт, как же она была хороша!

– А вот, слушай еще, – назойливой мухой прожужжал над ухом Суровцев.

Изведав горечь укоризны,
Обид, ошибок, мелких драм,
Учитесь радоваться жизни,
Ее обыденным дарам.

– Ну и как?

– Да, очень хорошо, – не глядя на Суровцева, ответил Антон. – Извини, старик, потом поговорим.

– Ну да, конечно. Иди, вон твоя примадонна, – слегка обидевшись, отошел Володя. – Только вот что-то Джульетта, похоже, не очень жаждет своего Ромео.

Слова его резанули ухо Антону, но Настя была рядом, и он решил сразу броситься с места в карьер.

– Привет, – подошел он к Насте, достал из пиджака флакон духов «Огни Москвы» и протянул ей. – С праздником.

– Спасибо, – довольно холодно ответила та и, равнодушно взяв флакон, положила его в карман платья.

– Настя, – взял ее под локоть Антон, – нам надо поговорить.

– Я тоже так думаю. Но не здесь. Пойдем прогуляемся.

– Хорошо.

Они оделись и потихоньку, чтобы не привлекать внимания друзей, вышли на площадку. Спустившись вниз, они молча пошли по улице. Уже опустились сумерки, и в окнах то там, то здесь зажигались огни.

– Настя, – начал Антон, беря свою подругу за руку, – так больше не может продолжаться...

– Да, это точно. – Она повернулась к нему лицом, и Антон поразился, насколько оно было злым. – Эти все твои похождения просто аморальны!

«Черт! – мысленно выругался он. Эйфория этого вечера тотчас улетучилась. – Это надо же было ей тогда прийти именно в тот момент. Ну хоть на пять минут бы раньше или позже. Ну бывает же такое невезенье! А девочка тогда была просто класс».

– Настя, ты все неправильно поняла, – попытался оправдаться Антон.

– Что я поняла неправильно? Ты же с ней спал! И поэтому все, мой милый. Мне надоело, хватит!

И Настя с силой вырвала свою руку. Антон некоторое время шел молча, и внутри его вскипала злость. Наконец его прорвало.

– Ах так? – гневно спросил он. – Я вообще-то не хотел ничего вспоминать, но раз уж ты сама начала... Да ты на себя посмотри? Мне только и говорят о том, с кем ты спишь.

– Это кто же тебе говорит? – сощурила глаза Настя. – Уж не Юлечка ли?

– Настя, при чем тут Юля?

– А, ты уже ее защищаешь? – распалилась Настя. – Конечно, понятно, у нее же квартира есть! Не надо будет по общагам мыкаться. Папа ей еще одну сделает.

– Ну, знаешь ли, – буквально задыхался от ярости Антон. – А переспать со всей общагой – это нормально? Это не аморально? Да, похоже, и не только в нашем корпусе. По-моему, ты уже и иностранцев охватила. Я не прав?

Настя побледнела как лежащий на дорогах снег. И тихо прошептала:

– Это не твое дело. Понятно?

– Конечно, понятно. Значит, ты проституткой заделалась? За заграничные шмотки уже даешь?

Настя повернулась и отвесила Антону пощечину. Потом, ни слова не говоря, она зарыдала и, закрывая лицо руками, побежала в сторону метро.

– Ну и черт с тобой, – махнул рукой Антон, потирая щеку и со злостью провожая глазами удаляющийся силуэт Насти.

Он постоял на месте минуты две-три, выкурил сигарету и пошел обратно, в квартиру Юли. Там почти все были уже пьяные и читали стихи.

– Я очень рада, что ты вернулся, – шепнула Антону на ухо Юля, когда тот сел за стол.

Он ничего не ответил, а только наливал себе рюмку за рюмкой. Ему стало легко и хорошо. Гости постепенно рассасывались, а он, отягощенный водкой и впечатлениями вечера, все сидел и смотрел в одну точку. Наконец он собрался пойти к себе в общагу. И тут он услышал горячий шепот прямо в ухо:

– Тоша, ты не можешь идти в таком состоянии. Может быть, останешься здесь?

Антон несколько секунд думал, потом махнул рукой и сел обратно на диван.

– Да, я останусь, – поднял он мутные глаза и встретил участливый взгляд Юли.

Глава 1

Лариса Котова сидела в своем кабинете и раздумывала о бренности жизни. В общем-то, можно было уже идти домой, но не хотелось. Отношения с мужем у нее были до предела сложными, и степень этой сложности зависела от количества выпитого им горячительного напитка. Периодически она выгоняла своего благоверного из дома, и каждый раз казалось, что «навсегда»...

Но их дочь желала видеть своего папочку ежечасно. И папочка с радостью возвращался, когда Лариса немного остывала. Лариса особой радости от возвращения Евгения не испытывала, но все же с мнением Насти считалась.

В данный момент Евгений находился дома, отдыхая от своих праведных бизнесменских трудов, и наверняка потягивал какую-нибудь жидкость крепостью не менее сорока градусов. Скорее всего, джин «Гордонс». Лариса даже зримо представляла его, вальяжно расположившегося у камина на диване, лениво переключающего телевизионный пульт. У изголовья его ложа находилась та самая бутылка, которая обычно через полтора часа валила Евгения замертво.

Лариса вздохнула и, встав с кресла, обошла вокруг стола. Взяв сигарету и зажигалку, она подошла к окну и, закурив, осталась стоять около него. Она находилась в кабинете своего собственного ресторана «Чайка». Она имела деньги, жизнь ее была наполнена событиями и приключениями – иногда она помогала кому-нибудь разобраться с криминальными проблемами. Но сейчас она чувствовала пустоту и скуку.

«Господи, – с тоской подумала Лариса, – любовника, что ли, завести?»

Она вернулась к столу и, стряхнув пепел сигареты в пепельницу, села в кресло.

«Где его только найти, – размышляла она дальше, – разве что среди своих посетителей?»

И она невзначай посмотрела на маленький экран монитора, который отражал все, что происходило в зале ресторана. Это было нововведение, которое имело место в «Чайке» уже месяц. Собственно, сегодня там ничего особо интересного не происходило. На весь вечер ресторан снял какой-то новоиспеченный депутат городской думы, и в данный момент по поводу светлого события его избрания высказывался толстенький человечек в дорогом костюме. Лариса с усмешкой отвернулась. Уж этот толстяк ей никак в любовники не годился.

Она, снова вздохнув, встала и совсем уже собралась ехать домой. Оглядев напоследок кабинет, она потянулась к выключателю, но в это время на экране появилось лицо женщины. Брюнетка, с большими карими глазами, с хорошо очерченным и плотно сжатым ртом, она производила довольно интересное впечатление... Если бы не презрение, сквозившее во взгляде, в жестах, во всей ее прямой и хорошо сложенной фигуре. Женщина как будто заметила, что за ней наблюдают, и отошла подальше от установленной в зале потайной видеокамеры, на экране снова возник толстый мужичок.

«Черт, где-то я видела уже лицо этой брюнетки, причем совсем недавно!» Ларисе почему-то расхотелось уходить домой, и она вернулась за стол. Отодвинув кресло и опершись об него коленкой, она уже с интересом наблюдала за происходящим на экране. Подождав еще минут пять, она вышла в коридор и прошла в зал. Приближаться к гуляющей компании она не стала, а расположилась за колонной. Торжество было в самом разгаре, компания, состоявшая в основном из солидных людей среднего и пожилого возраста, изрядно набралась.

На Ларису никто не обращал внимания: у собравшихся здесь людей были несколько другие цели. Лариса же очень внимательно наблюдала за той самой женщиной, лицо которой она видела на экране, одновременно пытаясь вспомнить, где же она могла ее видеть. Дама в свою очередь держалась непринужденно и снисходительно. Казалось, что она играет понятную только ей роль.

Стоп! Ну, конечно! Лариса даже слегка стукнула себя по лбу.

Это же Анастасия Николаевна Горецкая! Одна из самых лучших актрис тарасовского драмтеатра. Говорят, она когда-то снималась и в кино, но картин с ее участием Лариса не видела, а может, просто не помнит. Ведь вряд ли она снималась в главной роли.

Тут Лариса услышала за спиной приглушенные шаги и, обернувшись, увидела своего заместителя Степаныча. Вернее, звали его Дмитрий Степанович Городов, но из-за своей грубой мужицкой внешности и несколько стариковского менталитета, помноженного на постоянное скептическое ворчание, он заслужил именно это обращение. Так его звала не только Лариса, но и остальной персонал ресторана, включая его непосредственных подчиненных.

Вопросами сдачи зала в аренду занимался исключительно он, и Лариса тут же поинтересовалась – кто это у них сегодня в гостях.

– Да это же Клубнев Иван Сергеевич, – растирая свое красное лицо руками, сообщил Степаныч. – Его благополучно-таки избрали в депутаты. По этому поводу и пирушка, надрались уже, как свиньи, – неодобрительно добавил он. – Как бы не заблевали тут все...

И Степаныч, отличавшийся поразительным умением в любом явлении видеть лишь самые негативные стороны, шумно выдохнул.

Лариса снова перевела взгляд на гуляющую компанию. В этот самый момент со своего места поднялся сам Клубнев и попытался толкнуть речь.

– Я очень благодарен вам всем за ту поддержку, и моральную, и материальную, которую вы мне все оказали. Дружба – она всегда познается в экстремальных ситуациях, и с уверенностью можно сказать, что здесь собрались настоящие друзья. Очень благодарен моей Настеньке. Спасибо тебе, мое золотце, – он попытался поцеловать сидевшую рядом Горецкую, но та только раздраженно отмахнулась.

– Перестань, пожалуйста, – процедила она.

Лариса стояла достаточно близко к столу и поэтому расслышала все прекрасно.

– Она что, жена этого депутата? – шепотом спросила она у Степаныча.

– Угу, – угрюмо буркнул он, наблюдая за компанией своими почти всегда воспаленными глазами-жучками.

– Я очень хочу, чтобы и впредь, – продолжал между тем Иван Сергеевич, – мы собирались со всеми вами здесь, за таким же обильным и большим столом. Я очень благодарен вам за то, что вы все у меня есть. Давайте за это и выпьем.

Из присутствующих никто не возразил против такого предложения, и все дружно опрокинули рюмки в свои глотки. Клубнев, поставив рюмку на стол, встал со своего места и нетвердой походкой поплелся к мужчине, сидевшему через несколько мест от него. Тот сидел спиной к Ларисе, и рассмотреть его она не могла. Зато прекрасно заметила, каким взглядом его ода-ривала сама Горецкая.

«Ого, – подумала про себя Лариса, – а здесь, похоже, кипят настоящие и совсем не театральные страсти».

– Юрка, друг, – Клубнев благополучно добрался до предмета страсти Горецкой и с трудом рухнул рядом, – ты самый лучший друг. Ты знаешь об этом? – Клубнев пьяно обнял «друга» за плечи и стал почти что кричать ему в ухо.

Судя по тому, как Юрка был одет, он был главным спонсором всей предвыборной кампании Клубнева. Он слегка отстранился от Ивана Сергеевича и повернулся к Ларисе в профиль. Клубнев что-то упорно говорил ему, тот же со всем соглашался и для пущей убедительности постоянно кивал головой. Профиль у «спонсора» был просто классический: прямой греческий нос, тонкие губы. На вид его возраст колебался от тридцати пяти до сорока пяти. Выглядел он просто шикарно.

«А Горецкая не дурочка, – усмехнулась про себя Лариса. – Вот этого, наверное, она и сама могла бы выбрать себе в любовники. Хотя... Скорее нет – он больше наверняка ухлестывает за молоденькими длинноногими дурочками, а на Горецкую если и клюнул, то только из-за мужа.

Наверняка тот ему зачем-нибудь нужен, не просто же так он дал ему денег. Хотя, конечно, может, они и на самом деле друзья...»

Ее мысли прервал пьяный крик того самого толстого мужичка, которого Лариса видела на экране у себя в кабинете.

– Я предлагаю выпить за звезду, озарившую небосвод нашего города, – с пафосом восклицал он. – Она засияла там так, как никто до нее не сиял. Она даже не звезда, а целое созвездие ярких звезд, каждая из которых воплощает одно из ее достоинств!

Толстяк кричал так, как будто все присутствующие находились в пустыне, а он являл собой глас божий и боялся, что кем-то не будет услышан. У Ларисы даже в ушах зазвенело от этого противного жидкого тенора.

– Я думаю, что вы все уже поняли, – продолжал орать мужик, – что этот тост я предлагаю за Анастасию Николаевну.

Та, судя по всему, не была в восторге от тоста, но все-таки, слегка привстав и кисло улыбнувшись, поблагодарила.

– Спасибо тебе, Влад, но зачем столько эпитетов! Если бы все это было верно, то я бы не уехала из Москвы, – как-то даже слишком скромно произнесла она.

– О, тогда мы потеряли бы прекраснейшую из женщин, – пробасил чей-то голос справа.

Толстый мужичок тем временем засеменил к Горецкой, наверное, для поцелуя, но та, предвидя такой поворот событий, протянула ему руку, и тому ничего не оставалось, как довольствоваться этим. Однако он и из этой ситуации попытался вытянуть максимум приятного для себя. Поцеловав актрисе пальцы, он с жаром и пылкостью перекинулся выше и, не встречая особого сопротивления, дошел до плеча.

– Влад, перестань, пожалуйста, дурачиться! – оторвал его от этого занятия новоиспеченный депутат Клубнев. – Это все-таки моя жена, и при мне клеить ее неприлично!

– Понял, – довольно хмыкнул Влад, – буду клеить ее без тебя.

Вся компания довольно засмеялась, а Горецкая с неприязнью посмотрела на мужа и тут же отвернулась, не забыв при этом скользнуть взглядом в сторону «друга» Юрки. Тот был достаточно сумрачен и шутку не поддержал.

– Анастасия Николаевна, – сладким голосом начала подсевшая к ней дама лет шестидесяти.

«Очень сухонькая, но сильно молодящаяся, – мысленно прокомментировала ее появление Лариса. – В ее возрасте пора сменить губную помаду на что-то более спокойное и не такое броское. А волосы совсем не обязательно красить в фиолетовый цвет. Каштановый подошел бы лучше».

– А это правда, – продолжила дама заговорщицким шепотом, – что Маша Астафьева – любовница Якушева?

– А? Что? – рассеянно посмотрев в сторону экзальтированной особы, переспросила Горецкая и тут же машинально ответила: – Кажется, да.

– Какой ужас! – зашептала дама. – Она же совсем еще девочка. Ну и нравы пошли... В наше время такого не было. Якушев ей просто в папы годится. Какой ужас! А ведь у него была любовница. Как же она перенесла отставку?

– Я не знаю, нормально, наверное, – равнодушно ответила Горецкая. – Завела себе другого. В чем же проблема?

– Ну, я не знаю, – протянула дама с фиолетовыми волосами. – А как на все его проказы смотрит жена?

– А что жена? – даже с каким-то вызовом переспросила Горецкая. – Она-то уж, наверное, не страдает от этого.

– Да она у него просто душка, как от такой куколки можно ходить налево? – патетически возмущалась дама. – Не понимаю... Да, – махнула она рукой, – все мужики одинаковы. У вас, наверное, тоже такие же проблемы? – вдруг игриво поинтересовалась она.

Горецкая совсем не ожидала такого поворота темы и растерянно пожала плечами.

– Я думаю, что нет, – не совсем уверенно ответила она.

Разговор был ей явно неприятен, и она отвернулась.

– А все-таки Якушев – чудо! – мечтательно закатив глаза, встала со своего места дама.

Похоже, она сама была не прочь заполучить его себе в любовники. Но, наверно, возраст все-таки не позволял.

Лариса вздохнула и пошла к себе в кабинет. Там она, потянувшись, попросила Степаныча принести ей кофе и какой-нибудь легкий салат из морепродуктов. Ей опять стало скучно. Проблемы у всех были одинаковые. Наверняка та же Горецкая, приходя домой, тихо ненавидит своего мужа и страстно мечтает о каком-нибудь поклоннике.

Беззвучно открылась дверь, и в кабинет вошел Степаныч, неся на подносе кофе, салат и martini. Последнее он прихватил на всякий случай, и это в данном случае пришлось кстати.

– Спасибо, – поблагодарила Лариса, – ты, как всегда, предусмотрителен.

Степаныч неуклюже поклонился, шутливо изображая галантного кавалера, и, слегка улыбнувшись, вышел. Лариса, еще раз мельком взглянув на экран монитора и отметив в очередной раз, что Горецкую она видела не только в театре, выключила изображение.

Немного погодя она включила небольшой телевизор JVC, который стоял на тумбочке. На экране тут же возникла довольно миленькая дикторша, которая объявила о продолжении программы «Новости» на местном канале и передала слово своему коллеге, который должен был ознакомить телезрителей с криминальной стороной провинциальной жизни.

На экране замелькали улицы Тарасова. Их снимали из белой милицейской машины с мигалкой. Камера остановилась на здании «Салона красоты», постепенно размывая изображение и фокусируя его на молодом человеке с микрофоном в руке. Он бодрым голосом, с довольно оптимистической интонацией начал рассказывать о недавнем убийстве в районе мясокомбината. Потом он вскользь упомянул о парочке пьяных драк в Заводском районе, закончившихся очень неудачно для их участников – два человека оказались в результате на кладбище. И, наконец, сделав паузу, он перешел к главному событию – труп, найденному с ножом в груди в городском парке «Липки». Ларисе даже показалось, что репортер сожалеет о том, что за прошедшую неделю так мало произошло убийств. Настолько плотоядным было выражение лица человека, который рассказывал об этих в принципе не очень веселых происшествиях.

Лариса отпила кофе и налила в бокал немного martini, не переставая при этом смотреть на экран телевизора. Изображение молодого человека, с оптимизмом вещавшего о смертях других, наконец сменилось кадрами, снятыми на месте происшествия.

«Два дня назад, – вещал голос за кадром, – в парке «Липки» был обнаружен труп мужчины с ножевыми ранениями в области груди. При нем нашли заграничный паспорт, подтверждавший, что этот человек являлся гражданином Республики Конго. Имя убитого – Андре Амбесси, 1970 года рождения. Если кто-нибудь знает этого мужчину и может что-либо сказать, городское УВД просит позвонить по телефонам: 02, 86-75-34 или 86-98-76. Анонимность гарантируется».

Номера телефонов застыли на экране на фоне увеличенной фотографии конголезца. Лицо его было слегка поцарапано, а в открытых глазах стоял ужас, смешанный с удивлением. Тело было прикрыто простыней. При виде фотографии Лариса, чуть не расплескав бокал, поставила его на стол и тут же потянулась за ручкой, чтобы записать номера телефонов. При этом она не сводила взгляд с экрана. В горле у нее пересохло.

Прикрыв глаза, она наконец-то совершенно отчетливо вспомнила, где видела этого негра. Примерно неделю назад он посещал ее «Чайку». Спутать она не могла. Личность конголезца была слишком колоритной. Лариса потеряла виски, пытаясь вспомнить подробности...

* * *

...Был будний день, и в ресторане в обед почти не было посетителей. Сама Лариса находилась в зале, когда в дверь вошла очень странная парочка. Несмотря на то, что ворота Тарасова уже десять лет были открыты для иностранцев, появившийся в проеме двери негр не мог не привлечь внимания. Для российского города, тем более провинциального, это был элемент экзотики. Но еще больше привлекала внимание его спутница. Это была уже не молодая, примерно раза в два старше своего спутника, но прекрасно сохранившаяся дама, блондинка в темных очках.

Лариса тогда с интересом отметила эту необычную парочку и невольно заинтересовалась ими. Оглядевшись вокруг, они прошли за угловой столик. Мужчина, галантно отодвинув стул, усадил даму и только после этого сел сам. Заказав тогда что-то чисто символическое, они оживленно заговорили. Они находились далеко от Ларисы, и слышать их разговор она не могла, да в общем-то и не хотела.

Больше говорил мужчина, а дама только слушала, снисходительно наклонив голову. Андрэ – теперь-то Лариса знала, как его зовут, все больше волновался и размахивал руками. Затем он в пылу разговора приблизил свое лицо к лицу собеседницы так близко, что та невольно отшатнулась; было заметно, что она испугалась, но это быстро прошло. Она, похоже, пыталась его в чем-то убедить, но большие губы конголезца на этот раз стали совсем узкими. Было видно, что он не согласен с ее доводами. Он снова стал жестикулировать и говорить что-то резкое.

После этого дама в темных очках вдруг встала и решительно вышла из ресторана. Андрэ остался сидеть за столиком. Сидел он недолго – может быть, минуты две. Он оставил деньги на столе и в задумчивости покинул «Чайку».

Тогда Лариса спешила по каким-то своим делам и вскоре забыла эту историю и странную пару – молодого негра, скорее даже мулата, и молодящуюся блондинку постбальзаковского возраста.

Но сейчас картина того дня совершенно четко реставрировалась в ее голове. И она потянулась к трубке телефона.

Лариса набрала записанный номер, включив одновременно камеру, показывавшую происходящее в зале. Там наметилось некое оживление, связанное с тем, что участники банкета парами покидали ресторан, собираясь, видимо, дальше развлекаться на квартире или на даче.

Трубку сняли довольно быстро, и Лариса тут же объяснила, что она располагает сведениями по поводу личности убитого в «Липках».

– Минуточку, я соединю вас со следователем, – сказал женский голос на том конце провода.

– Следователь Карташов слушает, – услышала Лариса через несколько секунд и тут же обрадованно подскочила.

Дело в том, что Олег Валерьянович Карташов был давним ее знакомым. Они встречались несколько раз во время ее прошлых криминальных приключений. По мнению Ларисы, Карташов должен был быть ей благодарен за то, что несколько «висяков» перестали быть таковыми.

– Добрый вечер, Олег, – приободрившимся голосом начала Лариса. – Это Котова. Я думаю, вы меня помните?

– Конечно, конечно, – после некоторой паузы удивленно и одновременно слегка настороженно сказал тот. – Очень рад.

– У меня есть некоторые сведения о конголезце, которого нашли в «Липках», – по-деловому сказала Лариса. – Может быть, вы заедете ко мне в «Чайку»?

– Да? – как-то недоверчиво переспросил Карташов. – Ну что ж, наверное, заеду... Можно прямо сейчас?

– Конечно, можно, – ответила Лариса и положила трубку.

Карташов не заставил себя долго ждать, и уже минут через двадцать Степаныч провел его в Зеленый кабинет, который использовался Ларисой для встреч конфиденциального и личного характера. Время до его прихода директор «Чайки» провела в каком-то напряжении и толком не могла понять, почему. Она чувствовала себя слегка возбужденной и встревоженной. Этот негр никак не выходил из головы. Да и дама, которая была с ним, тоже казалась Ларисе знакомой.

Интересно, что могло связывать достаточно молодого африканца и эту выглядевшую очень богемно сексуальную даму? Хотя почему бы и не заподозрить в этом во всем любовную связь? Стареющие женщины вообще падки на всякую экзотику. Но разговаривали они не очень любовно...

– Прошу вас, присаживайтесь, Олег, – указывая на кресло, предложила Лариса.

– Очень рад снова встретиться с вами, – улыбка следователя показалась Ларисе даже искренней. – Что же вы хотели мне рассказать?

– Может, что-нибудь выпьете?

– Если только пиво.

– Хорошо.

Лариса снова позвала Степаныча и попросила его принести пиво. Через минуту тот внес в кабинет две банки «Гиннеса». Карташов, удобно устроившись в кресле и открыв банку, приготовился слушать.

– Дело в том, – начала Лариса, – что где-то с неделю назад этот самый негр приходил ко мне в ресторан.

– Да? И что? – спросил Карташов.

– И приходил не один, а с дамой куртуазной внешности лет пятидесяти. И разговор их носил, так скажем, не очень дружеский характер. В конце дама встала и ушла.

– Очень интересно, – поставив банку на стол, задумался следователь. – И это все?

– Да, – простодушно ответила Лариса.

– Что ж, информация чрезвычайно содержательная, – ехидно заметил в ответ Карташов.

– Может быть, теперь расскажете мне, что вы знаете об этом деле?

Карташов вопросительно посмотрел на Ларису. И тут вошел официант, который нес на подносе блюдо из сома под названием «Тихий омут», сырное ассорти и пудинг с вишневым вареньем.

Оперативник, который нечасто баловал себя подобными деликатесами, оценил угощение быстро. В конце концов, эта дама по имени Лариса несколько раз уже помогала ему сохранять репутацию в глазах вышестоящего начальства. Она постоянно умудрялась оказываться в центре криминальных событий и распутывать достаточно сложные истории. Преступники в результате ее действий оказывались в тюрьме. И Карташов, несмотря на то, что рассказ Ларисы ровным счетом ничего не прояснял в деле, решил поделиться с ней информацией. Тем более что это было не деликатно – так вкусно поесть и ничем не отблагодарить гостеприимную владелицу ресторана.

– Конечно, – сказал вслух Карташов, глотая слюну в предвкушении пиршества. – Хотя ничего стоящего я, пожалуй, сказать не смогу. То, что труп нашли два дня назад, ты уже наверняка слышала по телевизору, – неожиданно перешел он с Ларисой на «ты».

– Так. Продолжай, – в тон ему ответила Лариса.

– Мы выехали на место. Труп обнаружила молодая пара. Было уже достаточно темно, и они сначала решили, что негр просто пьян. Если бы девушка не заметила лужицу крови, то так бы и прошли мимо. Документы у него все были на месте. Рядом с телом валялась легкая косынка. По-моему, этот материал называется то ли шифон, то ли газ, – Карташов неопределенно поиграл в воздухе руками. – Но это не столь существенно. Гораздо важнее, что тут же был обнаружен пакетик с анашой.

– Его убили ножом?

– На теле множество ножевых ранений в области груди. Все лицо поцарапано, похоже, ногтями. Следов уколов вроде бы нет. Но пакетик с анашой настораживает. Вот, пожалуй, и все.

– Да уж, не густо, – пробормотала Лариса, – интересно, правда, как попала туда эта газовая косынка. Вряд ли она принадлежала негру.

– Да, ему она точно была не нужна, – согласился следователь.

– И анаша... – протянула Лариса. – Если он занимался наркотой и его пристукнул кто-то из своих, то зачем же оставлять этот пакет? Логичнее взять его с собой.

– Я об этом уже думал. Все это странно, – снова поддакнул Карташов, с удовольствием уплетая рыбу.

– А эта парочка, которая его обнаружила? Они никак не могли?

– Да вроде бы нет. Проверили мы их. Оба студенты, из приличных семей, только поженились. С наркотой связаны не были...

Лариса бросила рассеянный взгляд на монитор. Банкет еще не закончился. И тут она, взглядевшись в лицо Горецкой, поняла, почему оно привлекло ее внимание. Она видела ее недавно не в театре. Лариса уже давно не посещала спектакли местного драмтеатра. Просто это была или та самая куртуазная дама, приходившая сюда вместе с негром, или Горецкая очень на нее похожа. По крайней мере, чертами лица. Конечно, та дама была блондинкой, а Горецкая – яркая брюнетка. Но ведь парики еще в ходу, и никто не запрещает эксцентричным женщинам пользоваться ими.

И Лариса поспешила поделиться информацией с Карташовым.

– Олег Валерьянович, мне кажется, что та дама, с которой у меня в ресторане был убитый негр, – это Горецкая... Причем пришла она на встречу с ним в парике.

– Кто такая Горецкая? – недоуменно спросил Карташов.

– Ведущая актриса драмтеатра. И ее ты сейчас можешь видеть на этом мониторе.

Следователь еще более недоуменно уставился на экран.

– Здесь она брюнетка, а с негром приходила сюда как блондинка.

Карташов нахмурился и подозрительно посмотрел на Ларису.

– А тебе не показалось?

– Я не уверена на все сто, но все это вполне возможно...

– И что же она хотела тогда от этого конголезца?

– Или он от нее, – уточнила Лариса.

– Ну да. Или он от нее, – задумчиво повторил Карташов. – Но это точно была она?

– Я еще раз повторяю – она тогда была в темных очках и с другой прической. Впрочем, это мог быть просто парик.

– Ну ладно, все равно, видимо, ей придется заняться... – произнес Карташов, и в его интонации зазвучали некие зловещие нотки типа «ну, сейчас мы с ней разберемся!».

– А это кто рядом с ней? – спросил Карташов, указывая на Клубневу.

– Ее муж, с недавнего времени депутат городской думы, – ответила Лариса.

– Ого, – присвистнул следователь и поморщился. – Черт, это немного меняет дело. Не люблю я этих депутатов и их жен. С ними слова не скажешь без особого разрешения.

– Очень тебе сочувствую, – усмехнулась Лариса. – Но это твоя работа.

– А может быть, ты, Лариса, возьмешься за это дело? – осторожно спросил он. – У тебя же есть большой опыт.

– У меня нет совсем мотивов для этого, – возразила Лариса.

Однако эти слова были скорее кокетством, нежели отражением ее действительного мнения. Она в последнее время стала ощущать, что ей не хватает приключений, которыми она постоянно разнообразила свою жизнь.

– Лариса, у тебя ведь обычно хорошо получается, – продолжил нажим Карташов. – Я с твоей помощью получил кучу благодарностей от начальства.

– Ты предлагаешь мне продолжить благотворительность? – улыбнулась Лариса.

– Мне кажется, что ты без этого жить не можешь.

– Без чего?

– Без того чтобы куда-нибудь не вляпаться. И потом почему-то, глядя на тебя, я чувствую, что тебе скучно.

Карташов посмотрел на Ларису в упор, и та опустила глаза.

– Итак, ты поможешь мне?

– В чем может выражаться моя помощь? И как это все будет выглядеть?

– Я могу тебя взять стажером, – сказал следователь.

– Вот это да! – снова улыбнулась Лариса. – Хорошая должность для человека, благодаря которому ты получил кучу благодарностей.

– Не обижайся. Просто дело в том, что линией Горецкой удобно заняться тебе, а не мне как официальному лицу. И не убеждай меня в том, что это дело тебя не заинтересовало. Иначе ты бы не позвонила мне.

В словах Карташова была доля правды, и Лариса это не могла отрицать. Она немного помолчала, потом уже по-деловому сказала:

– Я думаю, надо начать с личности убитого. Горецкой я займусь сама, потом... Известно, где он жил?

– Только несколько часов назад выяснили, – с готовностью ответил Карташов. – Кварту снимал у одной старушки. Завтра я еду туда утром. И могу взять тебя с собой.

Поскольку Лариса ничего не возразила, Карташов принялся за десерт. Зал ресторана тем временем опустел. Загулявшая депутатская компания, уже несколько раз собиравшаяся на выход и все время откладывавшая свое отбытие, наконец покинула «Чайку».

Лариса, посмотрев на часы, устало сказала:

– Кажется, пора по домам.

Она встала с кресла. Карташов, допив кофе, поблагодарил ее и тоже встал.

– Я могу подвезти, – предложила Лариса, закрывая кабинет и направляясь к заднему выходу.

– Если можно, – слегка смутился следователь, послушно идя за ней, – хотя мне недалеко.

– Вот и отлично, – констатировала Лариса.

Глава 2

Дома Лариса застала уже ставшую обыденной картину. Муж пьяно храпел на всю спальню, и она, закрыв дверь, чтобы хоть немного приглушить эти звуки, решила, что будет лучше, если она поспит на диване в гостиной.

Заглянув к дочери и убедившись, что она тоже находится в объятиях Морфея, Лариса прошла в ванную. Постояв минут пять под холодной водой и слегка успокоившись, она постелила себе постель и довольно быстро заснула.

Утро началось с будильника, причем звон раздался из спальни. Лариса вскочила с дивана и не сразу сообразила, откуда идет звук. Но как только ясность восстановилась в ее голове, она тут же бросилась выключать звонок: видеть невыспавшуюся, похмельную морду своего благоверного у нее не было ни малейшего желания.

Убедившись, что драгоценный покой храпуна-мужа не нарушен, она с облегчением вздохнула и пошла на кухню готовить завтрак. Настя в очень скором времени уедет в лагерь, Лариса ждала этого момента с нетерпением. Тогда в защиту Котова выступить будет некому. И она наконец-то поживет в тишине и покое.

Она уже заканчивала завтрак, когда в дверях кухни возник муж.

«Вот черт, – подумала про себя Лариса, – не успела я спокойно уехать по делам. Сейчас начнется».

– Ты где вчера была? – подперев косяк для сохранения равновесия, поинтересовался Евгений.

– Тебя это не должно касаться, – отрезала Лариса, все еще надеясь избежать ссоры.

– Ты, между прочим, моя жена, – морщась, проговорил Котов. – По крайней мере пока...

– Что, головка бо-бо? – ехидно заметила Лариса, обратив внимание на его подвижную мимику. – Опять вчера был перебор?

– Лариса, у меня нервная и очень напряженная работа, – напыщенно затынул свою излюбленную волюнку муж.

Теперь поморщилась она. Но тут же заявила безапелляционным тоном:

– Я не обязана тебе ни в чем отчитываться. Но все-таки скажу: у меня были дела, и я задержалась у себя в «Чайке». Устраивает? И вообще, прекрати, пожалуйста, свои претензии. Ты находишься в этой квартире только потому, что так хочет наша дочь. Кстати, после ее отъезда в лагерь я не хочу тебя здесь видеть. А теперь, извини, мне пора. У меня куча дел.

Котов хотел было что-то сказать, но, не найдя подходящих аргументов для возражений, только махнул рукой.

Лариса встала из-за стола и осторожно, как драгоценную вазу, обошла мужа. Еще вчера она договорилась с Карташовым, что сегодня с утра они вместе съезжают на квартиру таинственного конголезца Андрэ. Милиция через фирмы, занимавшиеся недвижимостью, выяснила, что он снимал комнату у какой-то бабульки в центре города.

Она заехала на «Вольво» за Карташовым, и через час они уже были у дома, в котором снимал комнату Андрэ Амбесси. Это была обычная девятиэтажка, стоявшая на одной из центральных улиц.

– Какой этаж? – спросила Лариса.

– Третий.

– Тогда дойдем без лифта. Ходить пешком полезно.

Олег только пожал плечами и молча пошел вверх.

– Он жил вместе с хозяйкой? – поинтересовалась Лариса, когда они почти уже поднялись.

– По-моему, нет, – пожал плечами следователь. – Сама Галина Семеновна сейчас живет на даче. Мы вызвали ее только вчера.

Нажав на звонок, им пришлось подождать минуту, прежде чем они услышали шаги. Затем наступила тишина: вероятно, хозяйка тщательно рассматривала пришельцев в «глазок». И только после этого дверь открылась. На пороге стояла женщина лет примерно шестидесяти и рассматривала гостей с открытой неприязнью. Она была одета в домашний халат и тапочки.

«И что мы ей плохого сделали? – подумала Лариса. – Можно подумать, это мы ей подсупили этого африканца в квартиранты».

– Следователь Волжского РОВД Карташов Олег Валерьянович, – представился Олег, доставая удостоверение. – А это наш стажер, – махнул он рукой в сторону Ларисы.

Она слегка усмехнулась, но вовремя спохватилась и, сделав серьезное лицо, коротко представилась:

– Лариса.

– Мы с вами вчера договаривались о встрече, – начал Олег и замолчал, ожидая хоть какого-то ответа от хозяйки.

– Проходите, – буркнула она как-то очень недовольно.

«Вот старая плесень, – с неприязнью подумала Лариса. – Как деньги получать в долларах, так это ничего, а как отвечать, так посмотрите – какие мы сердитые!»

Они прошли по коридору и, миновав одну дверь, вошли в небольшую комнату.

– А комната, где жил Андрэ? Это та, мимо которой мы прошли? – поинтересовалась Лариса, входя в образ стажера.

– Да, он там живет, – сухо ответила хозяйка. – Только я уже несколько дней его не видела. А что, он что-нибудь натворил?

– Галина Семеновна, расскажите, пожалуйста, когда Андрэ появился у вас? – начал Карташов, усаживаясь без приглашения на старую софу и не обращая внимания на вопрос хозяйки. – И вообще, как вы его нашли? Или он вас?

– Как нашел? Да очень просто, – скрипучим голосом ответила Галина Семеновна. – Как все, по объявлению. Я дала объявление в фирму, что сдаю комнату... Примерно месяц назад он и позвонил. То, что он черный, меня, конечно, удивило. Я даже хотела ему отказать, но он сказал, что заплатит в долларах. Сейчас это как-то постабильнее, чем рубли. К тому же его зовут прямо как моего первого внука – Андрей. Я его Андрюшей и звала. А у меня дочка недавно вышла замуж. Скоро родить должна. Деньги очень нужны, – зачем-то суетливо стала оправдываться она. – Комната ему понравилась, к тому же я на дачу должна была уехать.

– А вы не боялись, что он вас ограбит?

– Да что у меня брать-то! – развела она руками, призывая гостей в свидетели того, что брать у нее действительно нечего. – К тому же моя комната запирается на замок.

– А вас не удивило, что иностранец не хочет останавливаться в гостинице?

– Удивило, конечно, – утвердительно кивнула хозяйка. – Только эти иностранцы – они тоже все со странностями. Может, он сэкономить хотел. В гостинице-то поди дороже. К тому же и приготовить у меня можно самому. А то с их ресторанской пищи совсем загнуться можно.

Галина Семеновна махнула рукой, демонстрируя свое пренебрежение к любому проявлению общепита и уверенность в превосходстве домашней кухни.

– А с кем он общался, вы не в курсе? – рассматривая фотографию в серванте, спросил Карташов.

– Говорю же, что меня здесь не было, – как-то слишком раздраженно ответила Галина Семеновна. – Откуда я могу это знать?

– А может быть, нам его комнату осмотреть? – предложила Лариса.

Эта бабка начинала ее раздражать.

– Да, пожалуйста, проходите, – отойдя от двери, у которой она стояла, пробурчала хозяйка.

Карташов с Ларисой прошли в комнату. Она была меньше первой. В ней стояли только письменный стол, шкаф, книжная полка и кровать. Все было чистенько и аккуратно.

В этот момент в дверь позвонили. Лариса и Олег почти одновременно вздрогнули и переглянулись.

– Вы кого-то ждете? – шепотом спросил Карташов.

– Нет, – так же шепотом ответила Галина Семеновна. – Открывать можно?

– Конечно, можно, – разрешил Карташов. – Только я, пожалуй, постою рядом с вами.

Приоткрыв дверь сначала на цепочку, Галина Семеновна обнаружила на лестничной площадке свою соседку из квартиры напротив, Марию Васильевну. Хозяйка закрыла дверь, чтобы снять цепочку, и через секунду открыла ее вновь.

– Ты приехала, что ли? – начала соседка, еще не переступив порог. – А то я смотрю тебя совсем не видно, а ходит только какой-то негр. Просто жуть!

Марья Васильевна зашла в прихожую и тут же, увидев посторонних людей, осеклась и растерянно проговорила:

– Здравствуйте. Ой, Семеновна, ты извини, у тебя гости, я как-нибудь в другой раз зайду. Ты когда обратно-то на дачу поедешь? Скоро?

– Следователь Волжского РОВД Карташов Олег Валерьянович, – тут же взял инициативу в свои руки Карташов, проворно выхватив из кармана свое удостоверение. – Я думаю, что вы как раз зашли вовремя.

Марья Васильевна, слегка побледнев и испуганно всплеснув руками, поднесла их ко рту и вытаращила глаза. Потом, опомнившись, она с ужасом спросила:

– Господи, а что случилось-то? С дочкой что?

– Совсем, что ли, рехнулась?! – отмахнулась от нее, как от нечистой силы Галина Семеновна. – Это же надо такое сказать! Вон жильца моего ищут, – мотнула она головой в сторону Ларисы и Олега.

– Да мы вообще-то его уже не ищем, мы его нашли. – Карташов сделал скорбное лицо и добавил: – Вот только он этого уже не узнает.

– Пьяный, что ли? – недоуменно покосилась на следователя Галина Семеновна.

– Мертвый, – коротко сказал Карташов.

– Батюшки! – опять всплеснула руками сердобольная соседка. – И кто же это его? Вроде бы он здесь тихо все время жил, не хулиганил...

– С ножом в груди нашли его в городском парке.

– Ужас какой! – прижала руки к груди Галина Семеновна.

– А вы случайно не видели, кто к нему ходил? С кем он встречался? – осторожно поинтересовался Олег.

– Да, я его часто встречала. Все время один, – Марья Васильевна задумалась, стараясь припомнить. – Нет, никого не видела... Вот только, – она уже в который раз всплеснула руками, – женщина к нему приходила. Не скажу, что часто, я ее раза два примерно видела, ну, или три. Точно уж не помню.

– А какая женщина? – встрепелась Лариса.

– Ну какая, обычная. Вот только старовата она для него. Возраст-то уже у нее не молодецкий. Хотя, – махнула она рукой, – сейчас нравы-то какие, сами знаете. Все перепуталось, ничего не поймешь. То ли муж с женой, то ли мама с сынком, то ли папа с дочкой, – сокрушенно вздохнула она.

Все это время Галина Семеновна неодобрительно посматривала в сторону соседки и участия в разговоре не принимала. Ей, похоже, было все равно, лишь бы побыстрее все убралось и дали спокойно заниматься своими дачными делами.

– А вот, посмотрите, – Карташов достал фотографию Горецкой, – эту женщину вы здесь не видели?

Марья Васильевна взяла фотографию и поднесла ее поближе к глазам. Рассматривала она ее достаточно долго.

– Н-нет, – протянула она как-то неуверенно, – кажется, не видела.

– Вы посмотрите внимательнее, – настаивал Карташов. – Может быть, прическа у нее была другая или макияж.

Марья Васильевна наморщила лоб и стала снова изучать глазами фотографию. Пауза затянулась. Олег нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но поторопить не решался.

– Вроде бы как похожа она на ту, которая сюда приходила, – наконец заговорила старушка. – Но точно утверждать не могу. Та блондинка была, а эта вон темная какая-то.

– А вы представьте ее со светлыми волосами, – перебил ее следователь.

– Ну, может быть, и она, – снова неуверенно произнесла Марья Васильевна. – Вроде похожа.

– Так кажется или она? – немного резковато насеял на бабульку Карташов. – Узнать сможете, если что?

– Нет, узнать не могу, – категорично вдруг отрезала Марья Васильевна. – Да и идти мне надо. И так вон как задержалась! А у меня еще не сварено ничего.

И старушка направилась в сторону двери.

– Так ведь и весь день можно проболтать! – продолжала ворчать она.

– Вы отказываетесь нам помочь? – повысил голос Карташов.

– Не знаю я ничего, не знаю... – Марья Васильевна взялась за ручку двери. – Приведите мне ту блондинку, тогда я скажу, а так – не знаю... Семеновна, давай выпускай меня отсюда!

Галина Семеновна, с неприязнью окинув взглядом своих непрошенных гостей, отперла дверь и выпустила соседку на лестничную площадку. Она явно намекала Ларисе и Карташову, что им тоже пора уходить.

– Еще один момент, – подняла вверх палец Лариса, – можно еще раз заглянуть в комнату Андрэ?

– Пожалуйста, – не скрывая своего недовольства, буркнула хозяйка.

Лариса прошла в комнату и осмотрелась вокруг. Что хотела здесь увидеть, она, пожалуй, объяснить не могла. Просто захотелось осмотреть вещи. Порой они говорят гораздо больше о своих хозяевах, чем что-либо еще.

– А книги эти ваши? – спросила она у хозяйки, подходя к книжной полке.

Галина Семеновна, мельком взглянув на полку, тут же ответила:

– Почти все мои. Но вот этих, – указывая на книги русских классиков, – у меня не было.

«Наверняка квартирант что-то читал», – подумала Лариса и заглянула под подушку. У нее самой была такая привычка – класть книги в это самое место.

И она обнаружила на простынке небольшую книжицу. Лариса подняла ее и прочитала имя автора: Антон Неводов. Это был сборник стихов. Причем автор ей был совершенно неизвестен.

– Что-нибудь нашла? – подошел к ней Карташов.

– Да вот, – рассеянно перелистывая страницы, показала она ему книжку. – Кстати, очень sentimentальные стихи, – и, открыв наиболее истрепанную страницу, она продекламировала четверостишие:

Мамина косынка легкая из газа,
И твоя слезинка заискрилась разом.
Улетела птицей легкая косынка,
На ладони нежной белая снежинка.

Следователь Карташов, понимавший, видимо, в поэзии так же, как студент театрального училища в токарных станках, кивнул в знак согласия.

– Кстати, судя по истрепанной странице, они Андрэ очень нравились. И странным мне кажется все это, – задумчиво заметила Лариса.

Хозяйка тем временем совсем приуныла и решила, наверное, что ее «гости» никогда уже не уйдут. Заметив это и еще раз оглядев все вокруг, Карташов кивнул Ларисе на дверь, показывая таким образом, что им пора. Она встала и направилась к выходу.

– Комнату я пока вынужден опечатать, – обратился Карташов к Галине Семеновне.

И, опережая ее протест, тут же добавил:

– Это ненадолго. До выяснений всех обстоятельств дела. А то, может, родственники какие найдутся...

– Какие уж тут родственники! – совершенно расстроено заметила хозяйка.

И, махнув рукой, ушла на кухню, вероятно, для того, чтобы не видеть подобного вандализма по отношению к ее жилплощади.

Карташов повесил пломбу на дверь комнаты, и они с Ларисой поспешили на выход.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил следователь.

– Пока еще не знаю, но... Опять Горецкая... – Лариса посмотрела на Карташова цепким взглядом.

– Да мало ли что она могла тут делать! Может быть, в роль входила, – отмахнулся Карташов.

– Я понимаю: Горецкая – жена депутата, пусть и местного масштаба. Кому охота связываться. Тем более вызывать на допрос, – в интонации Ларисы послышалось ехидство.

– На какой допрос? – возмутился Карташов. – Ты что?! В качестве кого я ее вызову? Свидетельница? Обвиняемая? Нет, – он сделал категоричный жест рукой. – Пока не будет фактов, я не имею права.

– Просто боишься, – спокойно констатировала Лариса.

Олег промолчал, только каким-то раздраженным жестом открыл подъездную дверь.

– Хорошо, – вздохнула Лариса, подходя к своей машине. – Значит, право буду иметь я.

Карташов неодобрительно посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но промолчал и только вздохнул.

– Ладно, мне в отделение пора. У меня еще куча дел.

– Тебя подвезти?

– Нет, спасибо, мне тут рядышком. Поговорить кое с кем надо.

– Как хочешь. Я поехала, – пожала плечами Котова.

– Ты звони, если что, – напоследок кинул Олег.

– Ты тоже.

* * *

Роль Горецкой, безусловно, во всей этой истории Ларисе очень не нравилась. Но, кроме подозрений, причем довольно смутных, у нее ничего не было. Может быть, актриса действительно вживалась в роль. Вроде бы в драмтеатре готовилась постановка «Отелло». Дездемону должна была играть именно Горецкая. А может, Андрэ вообще был ее любовником...

Стоп! А вот это, между прочим, не так уж и безобидно. Если они действительно были любовниками, то мог иметь место обычный шантаж. У мужа предвыборная гонка, а жена... Экзотика – она, конечно, хороша, но в разумных пределах. Ко времени, к месту и к обстоятельствам.

Лариса уже подъехала к «Чайке» и, не переставая размышлять, медленно вышла из машины и направилась внутрь ресторана.

Зайдя в свой кабинет, она тут же набрала номер кассы театра. Усталый женский голос ей ответил, что премьера «Отелло» состоится сегодня. Голос также порекомендовал сходить на эту премьеру, но одновременно предупредил, что билетов нет.

«Зачем же тогда рекомендуете?» – чуть не выкрикнула в трубку Лариса, но вовремя сдержалась. Она лишь вежливо поинтересовалась:

– А Горецкая будет играть?

– Конечно, – тут же заверили на том конце провода. – У нее роль Дездемоны. Прекрасная партия! В роли Отелло – Якушев. Такой чудесный дуэт!

Кассирша, похоже, села на своего любимого конька и начала распространяться по поводу местных звезд на всю катушку. Лариса поспешила поблагодарить за информацию и повесила трубку. Отсутствие билетов ее не пугало, а в том, что пойти на спектакль необходимо, она уже не сомневалась. Позвав Степаныча, она попросила его достать билеты, и он, понимающе кивнув, тут же исчез.

У господина Городова везде были «свои» люди, и в этом ему не было равных. Даже Лариса с ее деньгами порой не могла решить какой-то вопрос без него. И в том, что сегодня вечером у нее будет билет в театр, она ни капельки не сомневалась.

Решая текущие дела, она весь день не переставала думать о Горецкой и таинственном Андрэ. Что же занесло его в нашу отнюдь не процветающую страну? У них там, правда, в Конго, жизнь, наверное, не сахар... Но в мире есть масса других стран, куда можно было податься. В ту же Францию, например, которая некогда была для Конго метрополией. И чем больше Лариса думала об этом, тем мрачнее она становилась и тем меньше ей нравилась вся эта история.

Спектакль оказался каким-то средним: не вечерним и не дневным. В честь премьеры, да еще и Шекспира, в театре решили дать еще один дополнительный спектакль. К тому же престиж драмтеатра с недавнего времени стал подниматься, и укрепить его лишний раз не мешало. Поэтому спектакль начинался в четыре и в семь. Несмотря на все связи Степаныча, он смог достать билет только на четыре часа, чему Лариса была даже рада.

Сначала она хотела приехать к окончанию спектакля и сразу пройти за кулисы, чтобы поговорить с Горецкой, но потом решила, что премьеру «Отелло» стоит и посмотреть.

Несмотря на неудобное время, в театре было полно народу. Во многих Лариса узнавала посетителей своего ресторана. Увидела она и ту старушечку с фиолетовыми волосами, которую заметила на банкете Клубнева. Она даже хотела с ней поздороваться, но вовремя вспомнила, что та и не подозревает о ее существовании – ведь тогда Лариса наблюдала за всем происходящим на экране монитора и из-за колонны.

На старой театралке был какой-то невообразимый наряд со сплошными разрезами и «махрушками». Подивившись очередной раз экзальтированности этой дамы, Лариса на всякий случай отошла подальше.

«Интересно, она еще мечтает о Якушеве или уже нет?» – почему-то подумала Лариса, проходя на свое место.

Надо отдать должное, постановка была великолепна, и Горецкая играла прекрасно. «Она действительно неплохая актриса», – подумала Лариса, проходя за кулисы после окончания спектакля. Спросив у уборщицы, где находится гримерная Горецкой, и получив не очень вразумительный ответ, она после третьей попытки все-таки нашла нужную дверь, при этом столкнувшись в коридоре с той самой экзальтированной старушечкой. Та с восторженным видом куда-то неслась, совершенно не обращая внимания на окружающих.

«Точно несется к Якушеву, – мелькнуло в голове у Ларисы, – буквально на крыльях любви». Усмехнувшись, она постучала в гримерную Горецкой.

– Да-да, войдите, – услышала она слегка растерянный голос Анастасии Николаевны.

Идя к актрисе, Лариса долго думала о том, как ей начать разговор. В конце концов, вспомнив ее высокомерие, она решила, что лучший способ – это нападение. Может быть, от неожидан-

данности она сама все расскажет. Правда, что заключалось в слове «все», Лариса и сама не знала.

Анастасия Николаевна сидела перед зеркалом и выглядела очень печальной и уставшей. Удивленно взглянув на вошедшую, она недоуменно спросила:

– А вы кто? Вы ко мне?

– Я к вам. Лариса Котова, – тут же представилась она. – Я хотела с вами поговорить.

– Я вас слушаю, – удивленно подняв брови, произнесла Горецкая. – Вы что, хотите попробовать себя в театре?

Лариса чуть не фыркнула, но вовремя сдержалась и, подавив смешок, совершенно серьезно ответила:

– Нет, вы знаете, у меня уже есть работа, которую, надо сказать, я очень люблю.

– Да? – снова подняла брови Горецкая. – Это редкость в наше время – любимая работа. Тогда о чем же вы хотели поговорить?

– Мне очень понравился спектакль и мне бы хотелось высказать восхищение вашим талантом...

Брови Горецкой поднимались все выше, и она чуть было вообще не открыла рот от удивления.

– Ну, милочка, – насмешливо проговорила актриса. – Вот это вы наговорили! Я прекрасно знаю цену своему таланту, поэтому не утруждайте себя эпитетами. Если у вас есть какая-то просьба – говорите, я постараюсь помочь.

– Понимаете, – не спеша начала Лариса, – меня интересует один молодой человек.

– Да? – усмехнулась Горецкая. – А при чем тут я? Вы что, хотите, чтобы я вас с кем-то познакомила? Что ж, это можно. В юности у меня тоже было много романов, – она мечтательно подняла глаза к потолку.

– Нет, знакомиться я не хочу, – уже более сухо сказала Лариса. – Тем более что тот, о ком идет речь, уже мертв. Меня интересует Андрэ Амбесси.

Горецкая вздрогнула, и в глазах ее промелькнул настоящий страх. Это длилось не больше секунды, но Лариса успела это заметить. Горецкая все же была актрисой, поэтому уже через секунду ее лицо приняло все то же надменное выражение. И она довольно сухо заметила:

– Я не знаю никого с таким странным именем. В нашем театре его нет. – А в театре, я думаю, его никогда и не было. Его нашли убитым два дня назад в «Липках».

Горецкая слегка побледнела и, чтобы скрыть неловкость, встала. Лодочкой сложив руки на груди, она нервно заходила по гримерной.

– Вы что, из милиции? – резко остановившись, спросила она.

– Нет, что вы. Просто он мой друг, и я хотела бы узнать, почему его убили.

– Он ваш друг? – удивленно спросила актриса. – Но он ничего... – она тут же осеклась и отрезала: – Я ничем не могу вам помочь. Я не знаю этого парня. К тому же, судя по имени, он иностранец.

– Очень жаль. Мне сказали, что вас видели вместе.

– Нас? – с преувеличенным удивлением спросила Горецкая. – Этого не может быть. Я понятия не имею, о ком вообще вы говорите.

«И все-таки она вздрогнула, – отметила про себя Лариса, – не такая уж она и хорошая актриса. И она его знала».

– «Мамина косынка легкая из газа, и твоя слезинка заискрилась разом, улетела птицей легкая косынка, на ладони нежной белая снежинка», – вдруг продекламировала Лариса стихи того самого Неводова, томик которого она нашла под подушкой в комнате африканца.

Горецкая с каким-то мистическим ужасом посмотрела на Ларису.

– Что это? – прошептала она одними губами.

– Стихи, – как можно наивнее и безразличнее ответила Лариса, наблюдая за мимикой Анастасии Николаевны. – Антон Неводов написал...

А актриса стояла, совсем бледная, судорожно вцепившись в спинку стула, на котором она только что сидела.

– Хорошие стихи. Я люблю поэзию, – она начала приходить в себя. – Вы извините, но мне надо немного отдохнуть. У меня еще один спектакль.

– Да-да, конечно. Весьма символический, между прочим.

– Что вы хотите сказать? – глаза Горецкой сверкнули гневом, но она сдерживала себя.

– Ничего. Я просто к слову. Всего вам хорошего. Успехов вам и только главных ролей в театре, – Лариса открыла дверь, чтобы выйти.

– Спасибо, – совершенно машинально ответила Горецкая.

Закрывая дверь в гримерную, Лариса еще раз оглянулась. Горецкая стояла прямо, облокотившись о стул с высокомерно поднятой головой. Ее мысли были очень далеки отсюда...

«И все-таки я не зря сюда приходила, – пробираясь к выходу, размышляла Котова, – она что-то знает – это абсолютно точно. Но вот как же ее раскрутить? Карташов? Он не будет связываться... Хотя... стоит, наверное, попробовать. Может быть, его и проймет мой рассказ?»

Лариса вышла из театра и не спеша поехала домой. Чувствовала она себя ужасно уставшей...

* * *

Благоверный Ларисы не спал. И это было плохо: к семейным баталиям она была совершенно не готова. Тем не менее, как только она вошла на кухню, Евгений тут же заявил, что покидать родные пенаты он категорически не согласен даже тогда, когда Настя уедет в лагерь.

– Хорошо, – согласилась Лариса, – ты будешь жить на первом этаже, в комнате для гостей. Вопросы есть?

– Нет уж, позвольте! – возмутился муж. – Лариса, в конце концов, что происходит?

В интонациях мужа засквозил театральный пафос, сродни тому, что она наблюдала в драмтеатре.

– Лара, ты меня не слышишь? – продолжал Котов. – Значит, у тебя действительно появился любовник? Ты мне изменяешь?

Она услышала последнюю фразу и удивленно посмотрела на Евгения.

– Котов, ты рехнулся, – констатировала она и совершенно честно добавила: – Мне очень хотелось бы найти себе кого-нибудь, кроме тебя. Но пока у меня это не получается. Как только я кого-то найду, я тебя уведомя об этом в письменном виде.

Евгений обиженно отвернулся и насупился. Похоже, он даже немного протрезвел, а Лариса прошла к холодильнику. Она почти весь день ничего не ела, и теперь чувство голода обострилось с новой силой.

Она совершенно машинально бросила кровати в кастрюлю с водой, потом также рассеянно села на стул и задумалась. Спустя где-то минут пять она взяла телефонную трубку и набрала номер. Ждать пришлось недолго, и уже после третьего гудка она услышала знакомый голос:

– Алло.

– Олег, это Лариса, – начала она сразу же. – Ты знаешь, я встречалась с Горецкой и поняла, что она все-таки замешана в это дело. Может, ты ею все-таки займешься?

– Ты что, с ума сошла? – возмутился Карташов. – Как это я, интересно, ею займусь? На каком, простите, основании? На одних твоих умозаключениях далеко не уедешь. К тому же она жена депутата. Нет, я – пас. К тому же если даже они и были любовниками с этим африканцем... Что же здесь такого? У нас свобода и демократия. Все спят, кто с кем хочет.

- И кто не хочет, – буркнула Лариса.
- Что? – не понял Олег.
- Да так, ничего. Просто к слову. И чем же ты собираешься заниматься?
- Мы будем раскручивать наркотическую версию, – напыщенно заявил Карташов. – А если у тебя появятся факты, милости просим...
- Ты как тот мужик, – не удержалась Лариса, – потерял кошелек, а ищет его под фонарем. Не потому, что там потерял, а потому, что там светлее.
- Ну, знаешь ли... – растерялся Карташов, – а если слушать все твои бредовые идеи, то...
- В общем, спокойной ночи, – оборвала его Лариса. – Удачи вам, Олег Валерьянович. И берегите себя...
- Съехидничав напоследок, она повесила трубку.
- Ну и ладно, – в сердцах вслух бросила она, – сами разберемся.

Глава 3

Утро началось на редкость тихо и спокойно. Можно даже сказать, благочинно. Евгений молча сидел на кухне и курил. На завтрак Лариса приготовила индийскую пиццу и салат «Гранатовый браслет».

– Отлично, просто великолепно, – расточал комплименты кулинарному искусству жены Котов.

– Не подхалимничай, – буркнула Лариса, садясь за стол, – в спальню я тебя все равно не пушу.

Котов вздохнул и насупился. Выпив кофе, он довольно крякнул и, уже выходя из кухни, бросил в сторону Ларисы:

– Ну, ничего страшного. Неделя-другая, и все успокоится.

Она пожала плечами. Выяснять отношения с мужем сейчас ей не хотелось. Гораздо более важным было начало расследования всего, что касалось личности актрисы Анастасии Горецкой. Ей предстояло выяснить круг ее знакомств, понять ее настоящее и постараться заглянуть в прошлое.

С этими целями она и решила отправиться с утра в Тарасовское театральное училище. Она рассудила, что именно это учебное заведение должна была в свое время окончить Горецкая.

Храм искусства находился в самом центре города и представлял собой старое трехэтажное здание. Рука реставратора не касалась его минимум лет двадцать. Стены его потрескались и находились почти в аварийном состоянии.

Припарковав свою машину напротив, Лариса вышла и слегка удивленно оглядела этот приют высокого творчества. Именно «приют», уж больно сиротливо смотрелось здание на фоне новостроек.

Вестибюль театрального училища был заполнен молодыми людьми, которые еще только желали приобщиться к великому миру театра. Иными словами, это были абитуриенты.

Известно, что все абитуриенты, как правило, начинают свое знакомство с учебным заведением с секретаря. Лариса решила последовать их примеру. Поднявшись на второй этаж и остановившись перед табличкой «деканат», она приоткрыла дверь и заглянула в приемную. За письменным столом сидела молоденькая девушка в вызывающей мини-юбке и с увлечением играла на компьютере. Лариса не видела самого монитора, но по мимике, отражавшей каждый ее промах, она сделала такой вывод.

– Простите, – начала она с порога, – могу я с вами поговорить?

Девушка с трудом оторвалась от монитора и равнодушно уставилась на Котову.

– Что вы хотели? – слегка растягивая слова, спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.